Маслов В. Г.

ЯЗЫКОВАЯ ЭСТЕТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/61.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 148-149. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

4. Сячина Е.Н. Сцепления как средство создания контраста (на материале сказки О. Уайльда «Великан-эгоист»).//Филологические этюды. Вып. 4. Саратов. СГУ. 2001. С.208-211.
5. Elizabeth Sewell. The Field of Nonsense. London, 1952.

ЯЗЫКОВАЯ ЭСТЕТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО

Маслов В. Г.
Шуйский педагогический университет

Некоторые эстетики напоминают, что среди различных эстетических категорий прекрасное - premus inter pares - первое между равными. Хотя эстетический мир, возникший с помощью корреляции сознания и действительности, не ограничен миром прекрасного и внутренне бесконечно дифференцирован. Прекрасное, бесспорно, доминирует в нём, ибо человек воспринимает окружающее эстетически, исходя из своих представлений о прекрасном. Но даже убедительные аргументы не позволят отрицать, что каждое эстетическое переживание влияет на человека (позитивно, негативно, “демонически”), формирует его сознание, оставляет в нём какой-то след, воздействует на его дальнейшее поведение, то есть влияет на него этически и идейно. Однако не только всякое эстетическое качество обладает определённой сферой этического и идейного воздействия, но и наоборот - различные ценности имеют для человека также и ценность эстетическую.

Эстетические качества действительности всегда будут теми или иными лишь во взаимодействии с человеком. В создании критериев ценности принимает участие вся человеческая личность в своей совокупности. Чистая красота есть всего лишь абстракция. Неслучайно древние греки говорили о единстве добра, красоты и истины. Эстетический мир человека невозможно вырвать из его целостного сознания, отделить от его жизненной позиции и общего отношения к действительности.

Создание идеала и действительности становится источником подлинно прекрасного, а не просто субъективной иллюзией лишь в том случае, когда оно выражает подлинные интересы человека.

Идеал прекрасного был одним в античности, другим в пору Ренессанса, третьим в эпоху романтизма, специфическим идеал прекрасного был и во времена Л. Н. Толстого. Идеал прекрасного в любой сфере человеческих интересов всегда имел временную и общественную обусловленность. Прекрасное - это всегда прекрасное для человека и в человеческом смысле. А что прекрасного в языке? Вызывает ли эстетические чувства литературная норма вообще и конкретно - литературная норма во время писательской деятельности Толстого?

Едва ли найдётся человек, который бы не слышал, что русский язык называют великим, могучим, богатым, красивым. Говоря на русском языке с детства, мы воспринимаем его как нечто самое естественное, обычное. Между тем людям, хорошо знающим другие языки, бросается в глаза большие отличия нашего языка от всех других. Преимущество русского языка состоит в том, что очень многие понятия, оттенки мысли русскими словами передаются лучше, точнее, иногда и в более простой и краткой форме, чем на других языках.

Язык, слово - орудие борьбы. Действие русского языка как средства убеждения огромно. Русский язык очень музыкален. В нём почти все согласные могут быть и твёрдыми, и мягкими. Частое употребление звуков [р], [л], [м], [н] и гласных придаёт ему особую мягкость, певучесть, благозвучие.

Конечно, можно назвать ряд языков, в том или ином отношении не уступающих русскому: итальянский - по музыкальности, французский - по живости, но счастливая особенность русского состоит в том, что он совмещает в себе многие из этих качеств.

Можно услышать, что творческий опыт выработал у многих мастеров слова тонкий слух к ритмомелодии текста и его составляющих. Некоторые исследователи первопричину этого видят в интуиции писателей. Думается, такое объяснение не вскрывает всего существа явления: интуиция интуицией, а намеренное привнесение в отрезок речи желательных интонаций, нужной ритмики и определённых оттенков тембра - факт осознанного действия. Внешняя оформленность текста становится дополнительным средством выражения точности картин и образов. Форма оказывается приспособленной для выражения содержания. Например: “Но если мы видим хоть какое-нибудь отношение его (человека) к тому, что окружает его, если мы видим связь его с чем бы то ни было - с человеком, который говорит с ним, с книгой, которую он читает, с трудом, которым он занят, даже с воздухом, который его окружаеть, с светом даже, который падает на окружающие его предметы, - мы видим, что каждое из этих условий имеет на него влияние и руководит хотя бы одной стороной его деятельности” (Л. Толстой “Война и мир”).

А вот вступительная глава в повести, помните - развёрнутая метафора, в которой энергия и сила “татарина” (репей) заставила Толстого вспомнить историю Хаджи-Мурата. Подробному описанию “татарина”, показанному крупным планом, предшествует цветовой пейзаж поля в середине лета. “Есть прелестный подбор цветов этого времени года: красные, белые, душистые, пушистые кашки; наглые маргаритки; молочно-белые, с ярко-жёлтой серединой “любишь-нелюбишь” с своей прелой пряной вонью; жёлтая сурепка с своим медовым запахом; высоко стоящие лиловые и белые тюльпановидные колокольчики, ползучие горошки; жёлтые, красные, розовые, лиловые, аккуратные скабиозы…” (“Хаджи-Мурат”).

В этой же повести дан портрет царя Николая I. Читаешь и диву даёшься, что всё это написано в разгар непротивленческих настроений художника, а с другой стороны - чувствуешь осязаемо отталкивающий портрет отталкивающего человека: “С безжизненным взглядом, с выпяченной грудью и перетянутым из-за

перетяжки и сверху и снизу животом, он вышел к ожидавшим, и, чувствуя, что все взгляды с трепетным подобострастием обращены на него, он принял ещё более торжественный вид. Встречаясь глазами с знакомыми лицами, он, вспоминая кто - кто, останавливался и говорил иногда по-русски, иногда по-французски несколько слов и, пронизывая холодным, безжизненным взглядом, слушал, что ему говорили.

Приняв поздравления, Николай прошёл в церковь. Бог через своих слуг, так же как и мирские люди, приветствовал и восхвалял Николая, и он как должное, хотя и наскучившее ему, принимал эти приветствия, восхваления. Всё это должно было так быть, потому что от него зависело благоденствие и счастье всего мира, и хотя он уставал от этого, он всё-таки не отказывал миру в своём содействии. Когда в конце обедни великолепный расчёсанный дьякон провозгласил "многие лета" и певчие прекрасными голосами дружно подхватили эти слова, Николай, оглянувшись, заметил стоявшую у окна Нелидову с её пышными плечами и в её пользу решил сравнение с вчерашней девицей…"

В качестве своеобразного "инструмента" укажем и анафорическое единство, которое вводится в повествование для развёрнутой вырисовки характера персонажа, частных деталей и т. д. Употребление анафорического единства оказывается целесообразным и эстетически эффектным, потому что скопление в них параллелизмов и повторов нацелено на выражение неоднократно происходившего, регулярно совершавшегося, одновременно существующего, поддерживает впечатление разномерного протекания одинаково значащих действия, событий, например: "Когда молилась за воинство, она (Наташа) вспоминала брата и Денисова. Когда молилась за плавающих и путешествующих, она вспоминала князя Андрея и молилась за него, и молилась за то, чтобы бог простил ей то зло, которое она ему сделала. Когда молилась за любящих нас, она молилась за своих домашних… Когда молилась о ненавидящих нас, она молилась и придумывала себе врагов и ненавидящих для того, чтобы молиться за них… Когда молилась за царскую фамилию и за синод, она особенно низко кланялась и крестилась, говоря себе, что ежели она не понимает, она не может сомневаться и всё-таки любит правительствующий синод и молится за него ("Война и мир").

Отметим и то, что эстетическую ценность представляет и язык простолюдинов, вводимый Л Н. Толстым в свои произведения. Примеры из произведения "Война и мир": "По службе очень исправен, ваше превосходительство … но *характер*, - сказал Тимохин; А что Федешоу! …сказывал он, что ли, когда *страженье* начнётся; Хоть бы привал сделали, а то ещё вёрст пять *пропрём не емши;* ...не забывал … ни одной копны *ужи'на* хлеба на каждой десятине богучаровских полей; Очередь на твоего сына была, а ты небось *гладуха* своего пожалел, - вдруг быстро заговорил маленький старичок, нападая на Дрона, - а моего Ваньку забрил"

Сопоставляя язык и слово с искусством и художественным произведением, Потебня сделал интересные выводы: "во-первых, положение о том, что язык является аналогом или прообразом всякой творческой деятельности … во-вторых, искусство по своей структуре сродни слову. Как слово представляет собой единство формы и содержания (образ и значение), так и произведение искусства является нерасторжимым единством образа и идеи… И, наконец, в-третьих, искусство, как слово, возникает не для образного выражения готовой мысли, а как средство создания новой мысли…" (А. Потебня "Эстетика и поэтика", с. 10).

Отметим, что самой большой бедой сегодня является бессмысленное заимствование из английского языка. Причина этого в том, что место слова высокого стиля занимают заимствования. Иными словами, английское слово, не знающего английского языка, столь же высокого статуса, что и старославянское. Но, как ни странно, высокое тут же превращается в низкое, становится, как раньше говорили, "подлым".

Русский язык, по-прежнему, остаётся в своей коренной системе языком флективного строя, а это предполагает вариантность форм, которые и порождают различные стили, а стили нам дают свободу выбора, ограниченную необходимостью нормы. Мы владеем огромным богатством родного языка. Мы должны его изучать, а усвоив норму - понять систему, которая в своей глубине, как сущность нации и её судьба, мистична. Только сознательно представляя язык, мы можем гарантировать себя от покушений на принципы национальной идентичности. Разрушение норм и дискредитация классических текстов-образцов приводит в конечном счёте к истреблению символических слов и образных понятий национальной ментальности, которая сохраняет нацию во времени и пространстве. Разрушение нормы, эстетической информации ведёт к снижению внушаемости, снижает прагматическое воздействие.

ПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ЯЗЫКЕ

Маслова Ж. Н.
Балашовский филиал Саратовского государственного университета

Поэтический текст недостаточно исследован с точки зрения когнитивной лингвистики, между тем, вопрос о соотношении концептуальной и языковой картин мира один из самых актуальных в современной науке. Картина мира - система интуитивных представлений о реальности, ее можно выделить, описать или реконструировать у нации, этноса, социальной или профессиональной группы, личности. Она не остается статичной - каждому отрезку исторического времени соответствует своя картина мира, отличная от предыдущей.

Языковая картина мира, представляет собой более узкий аспект картины мира, исторически сложившийся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженный в языке определенный способ концептуализации действительности. В жизни современного человека языковая картина мира определяет кон-